

В.Е. Красовский

Интонационные приемы

Интонационные приемы (восклицания, обращения, риторические вопросы) — образно-стилистические средства, широко используемые в поэтической речи.

Еще в древности восклицания, обращения, риторические вопросы (то есть вопросы, не адресованные конкретному лицу и поэтому не требующие ответа) были средствами украшения речи ораторов, придававшими ей убедительность и эмоциональную яркость. Восклицания, обращения и риторические вопросы отражают весь спектр настроений, переживаний, раздумий русских поэтов: от негодования и страстного обличения до нежности и меланхолии.

Приведем примеры из поэзии А.С.Пушкина.

1) восклицания:

О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..

(«Вольность»)

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

(«19 октября 1827»)

2) обращения:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...

(«К Чаадаеву»)

Прощай, свободная стихия!

(«К морю»)

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!

(«О муза пламенной сатиры!»)

3) риторические вопросы:

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

(«19 октября»)

Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

(«Бесы»)

И жив ли тот, и та жива ли?
И где теперь их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

(«Цветок»)

Нередко интонационные приемы дополняют друг друга, передавая смену чувств и настроений поэта. Например, стихотворение Пушкина «Деревня» начинается с обращения-приветствия: «Приветствую тебя, пустынный уголок...». Затем, после идиллической картины деревенской жизни, следует обращение-восклицание «Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!». В деревенском уединении поэту слышнее «отрадный глас» мудрецов и мыслителей прошлого. Их «творческие думы» не просто умиротворяют поэта, но помогают понять, что деревня — это не только «приют спокойствия, трудов и вдохновенья» и своеобразный рабочий «кабинет» поэта-романтика. Это место, где правит «Барство дикое», «на пагубу людей избранное Судьбой», и стонет покорное ему «Рабство тощее».

Во второй части «Деревни» размеренные, философские интонации исчезают — их место занимают гнев, негодование, возмущение. Перед нами уже не поэт-философ, а оратор-трибун, требующий справедливости и свободы. Завершается стихотворение сплавом из восклицаний, риторических вопросов и обращения:

О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой Витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

Поэт говорит о своем понимании поэтического творчества («витийства грозный дар»), сожалея о том, что его голос недостаточно громок и силен, чтобы «сердца тревожить». Главная мысль стихотворения выражена в завершающем его риторическом вопросе: поэт высказывает свое заветное желание — увидеть над отечеством «прекрасную Зарю» «Свободы просвещенной».

Сложность чувств автора стихотворения передается именно интонационно-синтаксическими средствами. Страсть и мука слышатся в возгласе «О, если б голос мой умел сердца тревожить!», горечь и предупреждение деревенским тиранам угадываются в риторическом вопросе:

Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой Витийства грозный дар?

Совершенно особое место в стихотворении занимает бурный финальный аккорд — последний риторический вопрос, в котором слились ожидание, надежда, неуверенность и столь характерное для Пушкина обращение к друзьям, единомышленникам («о друзья!»). Есть в этом вопросе и скрытое обращение к мудрому царю, который, признав над собой власть закона (см. оду «Вольность»), должен отменить рабство и в русской деревне.